Е.Н. Туманик*

E.N. Tumanik*

Иван Дмитриевич Якушкин и княжна Наталья Дмитриевна Щербатова: к предыстории Московского заговора 1817 года

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-2 УДК 94(47).072

Выходные данные для цитирования:

Туманик Е.Н. Иван Дмитриевич Якушкин и княжна Наталья Дмитриевна Щербатова: к предыстории Московского заговора 1817 года // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 2. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-02.pdf

Ivan Dmitrievich Yakushkin and Princess Natalya Dmitrievna Shcherbatova: to the prehistory of the Moscow conspiracy of 1817

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-2

How to cite:

Tumanik E.N. Ivan Dmitrievich Yakushkin and Princess Natalya Dmitrievna Shcherbatova: to the prehistory of the Moscow conspiracy of 1817 // Historical Courier, 2019, # 3 (5). Article 2. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-02.pdf

Abstract. The article is devoted to an important period of I.D. Yakushkin's biography, preceding the events of the Moscow conspiracy of the Decembrists in 1817. The article presents the reasons why I.D. Yakushkin volunteered to kill the emperor. The personal crisis of the Decembrist of the period of 1817, which was the result of his unhappy love for Princess N.D. Shcherbatova. The personal context that led Yakushkin to make a radical political decision has been studied. The article examines in detail the severe personal crisis of the Decembrist of the period of 1817, restores the deep personal context, on the basis of which Yakushkin made a radical political step, which contradicted his political views, determines the ratio of the two components (personal and social) in the behavior of I.D. Yakushkin as a political figure. Along with political motives, the presence of the deepest personal connotation is proved, thus, personal drama becomes a powerful catalyst for a political decision.

In the article based on a detailed analysis of epistolary sources, also an attempt was made to characterize the personality of N.D. Shcherbatova, her relationship with I.D. Yakushkin and her role in the destiny of the Decembrist. A detailed reconstruction of the image of one of the famous women durning the Pushkin's era, her worldview and behavior stereotype in the society and in the family provides the interesting material for characterizing the history of women of the 19th century, their true importance and influence in society.

Keywords: Decembrists; I.D. Yakushkin; Union of Salvation; Moscow conspiracy; epistolary heritage; N.D. Shcherbatova; women's history.

The article has been received by the editor on 27.02.2019. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена важному периоду биографии И.Д. Якушкина, предшествующему событиям Московского заговора декабристов в 1817 г. Специальным предметом исследования стали обстоятельства частной жизни декабриста, оказавшиеся тесно связанными с его политическим поведением. Рассматривается роль И.Д. Якушкина в деятельности Московского совещания Союза спасения и анализируются причины, подтолкнувшие декабриста к решению взять на себя роль цареубийцы. Подробно разбирается тяжелый личный кризис декабриста периода 1817 г., ставший результатом его несчастной любви к княжне Н.Д. Щербатовой. Восстанавливается глубокий личный контекст, подтолкнувший

^{*} Туманик Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: kattum@mail.ru Tumanik Ekaterina Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Reseacher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), e-mail: kattum@mail.ru

Якушкина к радикальному политическому шагу, противоречащему его политическим взглядам. Выясняется соотношение двух составляющих (личное и общественное) в поведении И.Д. Якушкина как деятеля тайного политического общества. Наряду с политическими мотивами доказывается наличие глубочайшего личного подтекста, таким образом, личная драма становится мощным катализатором политического решения.

В статье на основе подробного анализа эпистолярных источников также сделана попытка характеристики личности Н.Д. Щербатовой, ее нравственного облика и отношений с И.Д. Якушкиным, ее истинной роли в судьбе декабриста. Подробное воссоздание образа одной из видных женщин пушкинской эпохи, ее мировоззрения и модели поведения в свете и в семье дает интересный материал для характеристики истории женщин XIX в., их истинного значения и влияния в обществе.

Ключевые слова: декабристы; И.Д. Якушкин; Союз спасения; Московский заговор; эпистолярное наследие; Н.Д. Щербатова; история женщин.

* * *

Иван Дмитриевич Якушкин является одним из самых известных декабристов, имя которого, пожалуй, всегда будет наиболее прочно стоять в ряду деятелей освободительного движения России первой половины XIX в., хотя он и не выходил на Сенатскую площадь, а в последние годы перед восстанием жил вдали от тайной деятельности политических обществ. Якушкин стоял у основания первых декабристских организаций – Союза спасения и Союза благоденствия, был активным участником Московского совещания конца сентября 1817 г. Это событие вошло в литературу как Московский заговор и знаменовало собой столкновение умеренных и радикальных тенденций в Союзе спасения, приведших в итоге к его распаду и созданию Союза благоденствия. Причиной Московского заговора стало резкое недовольство декабристов политикой Александра I, а поводом – письмо кн. С.П. Трубецкого, содержание которого, вероятно, так навсегда и останется не реконструированным. С.В. Мироненко, подробно исследовавший причины Московского заговора, пришел к выводу, что в письме была ярко продемонстрирована готовность царя в самое ближайшее время отменить крепостничество 1. Это, в свою очередь, в условиях неготовности страны к крестьянской эмансипации, могло ввергнуть Россию в стихию крестьянского бунта. В своих записках И.Д. Якушкин оставил описание тех событий и изложил суть послания (впрочем, без упоминания крестьянского вопроса): «Совещание это было немноголюдно [...] Алек[сандр] Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в кот[ором] он извещал всех нас о петербург[ских] слухах. Во-первых, что царь влюблен в Польшу [...]; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15[-го] года. В-третьих, что он намеревается отторгнуть некот[орые] земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он... намерен перенести свою столицу в Варшаву [...]. Меня проник[ла] дрожь; [...] я решился [...] принести себя в жертву [...] Фонвизин подошел ко мне и просил меня успокоиться, уверяя, что я в лихорадочном состоянии и не должен в таком расположении духа брать на себя обет, кот[орый] завтра же покажется мне безрассудным [...]. Я с Фонвизиным уехал домой. Почти целую ночь он [...] уговаривал меня отложить безрассудное мое предприятие [...]. Я решился по прибытии им[ператора] Александра отправиться с двумя пистолетами к Успен[скому] собору и, когда царь пойдет во дворец, из одного пистолета выстрелить в него и из другого – в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих»². На следующий день товарищам с трудом удалось отговорить упорствующего Якушкина от его намерения, на новом совещании «толки» велись уже «совершенно в противном смысле вчерашним толкам», ему говорилось, что «поединок на смерть» царя и декабриста «в настоящую минуту не может быть ни на какую пользу для государства», что «своим упорством» он губит

¹ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в середине XIX в. М., 1989. С. 91–92.

² Якушкин И.Д. Записки // Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 87–88.

«не только их всех, но и тайное общ[ество] при самом его начале, и кот[орое] со временем могло бы принести столько пользы для России»³.

В историографии высказано обоснованное мнение, что это важнейшее событие в истории раннего декабризма является закономерным шагом в становлении и выработке политической стратегии тайного общества. М.В. Нечкина справедливо отметила, что «несмотря на всю незрелость движения, отдельно взятый террористический акт [...] был [...] сочтен не обеспечивающим конечной цели борьбы и потому отвергнут»⁴. С этим нельзя не согласиться. При разборе Московского заговора И.Д. Якушкин предстает перед нами как яркий и идейный представитель радикального лагеря и решительных действий. Но так ли это? Дальнейший путь И.Д. Якушкина в тайном обществе за исключением событий междуцарствия вовсе не характеризует его с этой стороны. Наиболее радикален Якушкин был в середине декабря 1825 г., призывая московских членов тайного общества к организации военного выступления, но и в тот период он не терял способности к холодному рассуждению, а его действия были продиктованы необходимостью содействовать восставшим в Петербурге и стремлением вывести Россию из кризиса междуцарствия. Так чем же объяснить такое стойкое поведение декабриста, отнюдь не обладавшего радикальными убеждениями, в дни Московского заговора - эти действия явно не вписываются в характеристики Якушкина ни как политического деятеля, ни как личности.

Дело в том, что была другая сторона медали – глубокий контекст, связанный с личной драмой декабриста. Этот контекст с самого начала событий был очевиден для его товарищей по тайному обществу, для его семьи, друзей и даже света; более того, во время следствия по делу декабристов он сразу же вышел на первый план в реконструкции событий Московского заговора, и «личная» версия не только фигурирует в материалах процесса, но и становится почти превалирующей. Более того, создается впечатление, что, оставив в стороне Якушкина как главного «злодея», в апреле 1826 г. следствие перешло к поиску истинных, идейных и последовательных «цареубийц», обратившись к фигурам Артамона и Никиты Муравьевых⁵. Впрочем, это не повлияло на строгость приговора, вынесенного И.Д. Якушкину. В 1989 г. вышла в свет работа А.А. Лебедева, представляющая собой философское эссе-осмысление личности и жизненного пути Якушкина; касаясь темы Московского заговора, автор указывает «на глубокую внутреннюю связь между интимнейшими переживаниями Якушкина и его общественным поведением»⁶. Разумеется, поступок декабриста был чисто политическим, о чем он и сам впоследствии написал в своих «Записках», но личную составляющую, оказавшую судьбоносное влияние на характер, действия, мироощущение декабриста, его психологический склад и жизненный путь в целом, мы, конечно же, не можем сбрасывать со счетов. Именно в событиях Московского заговора на поверхность вырвался глубокий личный кризис Якушкина, во-многом определивший всю его дальнейшую судьбу, хотя в своих воспоминаниях, комментируя донесение Следственной комиссии по делу декабристов, он высказался по этому поводу всего один раз, и то в ироничном ключе, отделяя политическое от личного: «В донесении сказано, что я вызвался на покушение, бывши терзаем страстью несчастной любви. Я имею все причины думать, что это – показание Никиты Муравьева, желавшего такой сентиментальной фразой уменьшить мою виновность перед Комитетом. После, когда я у него спрашивал об этом, он всякий раз смеялся и отшучивался вместо ответа»⁷. Но на деле все было совсем не так. В 1821 г., подводя промежуточный итог своей жизни, И.Д. Якушкин признавался в одном из писем к П.Х. Граббе, констатируя определенную пустоту: «Большую часть своей молодости я пролюбил...⁸.

³ Якушкин И.Д. Записки... С. 88.

⁴ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 178.

⁵ Восстание декабристов. Материалы. Т. III. М.; Л., 1927. С. 27–31.

⁶ Лебедев А.А. Честь: Духовная судьба и жизненная участь И.Д. Якушкина. М., 1989. С. 272.

⁷ Якушкин И.Д. Записки... С. 143.

 $^{^{8}}$ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и комм. С.Я. Штрайха. М., 1951. С. 235.

Итак, 1817 г. был апогеем тяжелейшей личной драмы в жизни И.Д. Якушкина, причиной которой явилась его неразделенная любовь к княжне Наталье Дмитриевне Щербатовой – сестре его лучшего друга Дмитриевича Щербатова⁹. Попытаемся Ивана разобраться обстоятельствах этой трагедии, предшествующей событиям Московского заговора и вомногом объясняющей поведение Якушкина в дни сентябрьского совещания Союза спасения, в чем нам письма лекабриста того помогут В эпистолярном наследии И.Д. Якушкина выделяется кн. И.Д. Щербатову, комплекс ИЗ 36 писем К датируемый 1816–1821 гг. и впервые опубликованный В.Н. Нечаевым, который R комментариях сопроводительной статье к публикации приводит выдержки из писем к брату и самой Наталье¹⁰. Время переписки совпало с этапом активной деятельности декабриста в тайном обществе, а также с периодом его несчастной любви к сестре адресата. Письма дают Княгиня Наталья Дмитриевна Шаховская богатую информацию об истории взаимоотношений декабриста и его возлюбленной и характеризуют, по

(ур. кн. Щербатова) в 1849 г. Художник В.И. Гау.

удачному определению публикатора, «целую главу в жизни Якушкина» с 1816-го по 1 октября 1819 г., «полную» «сильных, глубоких переживаний» 11. В.Н. Нечаев отмечает: «Еще из донесения Следственной комиссии о декабристах было известно, что Якушкин «в мучениях несчастной любви давно ненавидел жизнь». Из публикуемой переписки мы впервые узнаем все перипетии этой «несчастной любви» и по степени напряженности трагических переживаний Якушкина можем проверить, насколько правильно следственная комиссия [...] связывала с этим неудачным романом политическое выступление Якушкина, его исступленную страстность. Думается, что публикуемые материалы достаточно подтверждают это предположение» 12.

Многое для характеристики взаимоотношений И.Д. Якушкина и Н.Д. Щербатовой середины весны 1817 г. дает публикация Д.И. Шаховского, состоящая из трех писем, которые предположительно можно датировать самым началом мая – первое из них написано Н.Д. Щербатовой к Якушкину, второе, как считает публикатор, - ответ Якушкина на указанное письмо, третье (черновик) – послание П.Ф. Облеуховой (матери Д.А. Облеухова) к Якушкину¹³. Нам представляется несколько иной порядок нумерации писем. Первым стоит поставить письмо П.Ф. Облеуховой, которым она пытается спасти декабриста от намерения совершить самоубийство; письмо И.Д. Якушкина к княжне Щербатовой, в котором он дает обещание «жить», появилось как результат воздействия на него, вероятно, той же

⁹ Щербатов Иван Дмитриевич, кн. (1794 – 1829 или 1830), внук историка М.М. Щербатова, ближайший друг И.Д. Якушкина со времени учебы в Московском университете. Позже его сослуживец по Семеновскому полку, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода. После восстания Семеновского полка в 1820 г. был переведен в Тарутинский полк майором. Дальнейшая его судьба драматична и сродни участи декабристов. В 1821 г. И.Д. Щербатов был арестован, его подозревали в организации волнений семеновцев. Четыре года он провел в заключении в Витебске, все это время тянулось следствие. В 1826 г. был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ. Принимал участие во многих сражениях, отличался храбростью и со временем получил возможность производства в офицеры. Погиб на Кавказе в звании штабс-капитана в 1829 или, по другим сведениям, в 1830 г.

¹⁰ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.) // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. І. С. 141–186.

¹¹ Там же. С. 184.

¹² Там же. С. 148–149.

¹³ *Шаховской Д.И.* Из бумаг Н.Д. Шаховской (урожденной Щербатовой) // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. І. С. 187–190.

Облеуховой. Наконец, письмо Н.Д. Щербатовой к Якушкину является заключительным в этой цепочке, на что есть прямое указание самой Натальи, которая упоминает о его письме, на которое отвечает¹⁴.

Из воспоминаний И.Д. Якушкина явно следует, что в дни Московского заговора он упорствовал в своем намерении «поединка на смерть», хотя его не менее упорно отговаривал М.А. Фонвизин, а позже и другие товарищи по обществу. В этом навязчивом желании помимо политической подоплеки ярко отражается как твердое намерение «не жить», так и разом покончить свои страдания, когда есть еще и яркая возможность «принести себя в жертву» Отечеству – замечательный выход из жизненного кризиса для деятеля политического общества. И даже в своих следственных показаниях, данных 13 февраля 1826 г. (!), спустя небольшим лет после событий Московского заговора, Якушкин заявил: «Каким образом хотел я совершить убийство, я не знаю и, сколько могу припомнить, никогда не знал, ибо не имел довольно время, чтобы сие обдумать, но, во всяком случае, предполагал по совершении оного убить себя»¹⁵. Эти слова поражают силой своего драматизма; ясно, что переживания тех дней были еще слишком живы в душе декабриста.

Иван Дмитриевич Якушкин в 1816 году. Художник Н.И. Уткин.

Характеризуя Н.Д. Щербатову, роковую любовь И.Д. Якушкина, по ее эпистолярному наследию, В.Н. Нечаев писал: «...Мы почти ничего не знаем об ее литературных вкусах, о чтении; она лишь музицирует, рисует, сообщает о всех происходящих свадьбах, но в письмах чувствуется ум...»¹⁶. Вопреки мнению Нечаева, который хоть и видел Н.Д. Щербатову «в весьма привлекательном свете», но отмечал, что «образование и развитие ее были [...] не особенно высоки» 17, нам удалось выяснить, что внучка историка М.М. Щербатова и двоюродная сестра П.Я. Чаадаева была образованной девушкой незаурядного ума. Архив князей Шаховских отразил ее литературные интересы – сохранились выполненные ее рукой списки стихотворений на русском и французском языках, в том числе В. Гюго «Надежда на Бога» (фр.), а также выписки из поэмы Дж. Байрона «Чайльд Гарольд» и письмо А. Бейля (Стендаля) к Л. Беллок о ее книге, посвященной Байрону¹⁸. Н.Д. Щербатова знала английский язык, что, как известно, было признаком элитарного образования в первой четверти XIX в., о чем свидетельствуют ее записи по истории Шотландии на этом языке¹⁹. Направление полученного образования могут характеризовать некоторые сохранившиеся ее ученические тетради на французском по истории, географии и ботанике, а также конспекты по истории Англии²⁰.

По-видимому, «не особенно высокими» были лишь некоторые качества души Натальи Дмитриевны, что с лихвой перечеркивало ее прочие достоинства. В.Н. Нечаев отмечает «живость и тонкость чувств» Н.Д. Щербатовой, а также ее «большую нравственную силу». С этим трудно согласиться, тем более, что аргументом для обоснования своей позиции Нечаев делает факт, который ровным счетом ничего не доказывает (что «недаром было почти одновременно три претендента на ее руку», причем двое из них, И.Д. Якушкин и

¹⁴ *Шаховской Д.И.* Из бумаг Н.Д. Шаховской (урожденной Щербатовой)... С. 189.

¹⁵ Восстание декабристов. Материалы. Т. III... С. 53.

¹⁶ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 150.

¹⁷ Там же.

 $^{^{18}}$ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 635. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–2; Д. 104. Л. 1–3; Д. 105. Л. 1; Д. 106. Л. 1–4.

¹⁹ Там же. Д. 108. Л. 1–16.

²⁰ Там же. Д. 107. Л. 1–40; Д. 109. Л. 1–93.

Ф.П. Шаховской – декабристы)²¹. И.Д. Якушкин и Н.Д. Щербатова были знакомы с детства, со временем дружба переросла для него в более сильное чувство, но на взаимность со стороны своей возлюбленной он рассчитывать не мог, хотя и не догадывался об этом княжна постоянно подавала ему надежду и вела себя так, чтобы прочно удерживать рядом с собой. В этом был свой расчет; как утверждает В.Н. Нечаев, Якушкин «не был героем ее романа», но именно ему «она, несмотря ни на что, неизменно отдавала всю полноту своего уважения, дружбы, восхищенное преклонение перед моральной высотой его личности»²². Безусловно, она ценила все названные качества декабриста, но стремилась использовать их в своих целях. Могла бы она выйти замуж за Якушкина? Почему бы и нет, но... лишь в том случае, если бы не нашлось более привлекательного для нее жениха – более знатного, более богатого, наконец, кого бы она полюбила, если вообще была способна на это чувство. Забегая вперед, скажем, что так в итоге и произошло – княжна Щербатова не выпускала Якушкина из сферы своего влияния вплоть до самого замужества; 1 октября 1819 г., менее чем за полтора месяца до свадьбы Н.Д. Щербатовой и кн. Ф.П. Шаховского, И.Д. Якушкин написал И.Д. Щербатову: «Теперь все кончено. Я узнал, что твоя сестра выходит замуж – это был страшный момент. Он прошел. Я хотел видеть твою сестру, увидел ее, услышал из собственных ее уст, что она выходит замуж – это был момент еще более ужасный. Он также прошел. Теперь все прошло. Я осужден жить...»²³. Обратим внимание: лишь потому, что теперь она прямо заявила ему, что не любит его и выходит замуж за другого, Якушкин перешел этот страшный для него рубеж, не наложил на себя руки, не заболел смертельно и не сошел с ума, хотя любил Шербатову не меньше, чем два с половиной года назад. До этого момента все было иначе, эта девушка много лет питала его надеждами на взаимность и сознательно причиняла невыносимые страдания, в чем и стоит искать причину поведения Якушкина, в том числе и мотив его политических поступков.

В апреле 1817 г. И.Д. Якушкин был тяжело болен до такой степени, что близкие практически не имели надежд на его выздоровление²⁴. Причина болезни заключалась в сильном душевном потрясении, связанном, конечно же, с неразделенной любовью к Н.Д. Щербатовой – настолько серьезны были его чувства: «Якушкин в течение длинного ряда месяцев находился в постоянном нервном напряжении, он не сдавался перед неудачами, делал новые попытки и терпел новые поражения; после них он принимал радикальные решения, [...] словом, душевное равновесие его было совершенно нарушено»²⁵. Состояние И.Д. Якушкина было серьезно настолько, что Елизавета, вторая сестра кн. Щербатова, сообщала брату, что положение больного «почти безнадежное»²⁶. М.И. Муравьев-Апостол дежурил при нем даже по ночам, другие же друзья декабриста – М.А. Фонвизин и Д.А. Облеухов – тоже почти постоянно находились при товарище. Поводом к болезни И.Д. Якушкина послужило то, что в жизни Н.Д. Щербатовой появился другой претендент на ее руку – Д.В. Нарышкин, один из лучших женихов в России, капитан Семеновского полка, которому она стала оказывать слишком явное предпочтение прямо на глазах у Ивана Дмитриевича²⁷. 30 апреля Наталья писала брату И.Д. Щербатову о намерениях Нарышкина, о своем выборе, в котором «сердца [...] было слишком много», просила совета по поводу планов замужества, и тут же сетовала: «Ах, если бы ты мог видеть Якушкина! Его отчаяние,

²¹ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 150.

²² Там же.

²³ Там же. С. 184.

²⁴ Там же. С. 156.

²⁵ Там же. С. 149.

²⁶ Там же. С. 156.

²⁷ Нарышкин Дмитрий Васильевич (1792–1831), с 1810 г. служил в Семеновском полку, в 1812 г. назначен адъютантом к Н.Н. Раевскому. Герой Отечественной войны 1812 г., храбрый офицер, участник многих сражений. В звании штабс-капитана (1815) переведен в Новоингерманландский полк. С лета 1817 г. служил в Париже в корпусе гр. М.С. Воронцова, где в июле 1819 г. женился на графине Н.Ф. Ростопчиной. В 1823 г. из-за ухудшающегося здоровья (последствия ранений) уволен от службы полковником. В 1823–1829 гг. гражданский губернатор Таврической губернии, действительный статский советник. Узнав о женитьбе Д.В. Нарышкина, Н.Д. Щербатова практически сразу же, уже в августе 1819 г., приняла предложение кн. Ф.П. Шаховского.

его страсть, отсутствие великодушия!»²⁸ Потом она следила за развитием его болезни и сообщала брату о «смертельном беспокойстве», вызванном у нее этим недугом, а также о «мольбах друзей» об умирающем, которые «дошли до неба», также она изо всех сил просила И.Д. Щербатова писать Якушкину «во имя его спасения»²⁹. Когда кризис миновал, 3 мая Натали написала брату: «Ты должен все знать, [...] Якушкин меня любит [...]. Его отчаяние, его болезнь были причинены крушением всех его надежд [...]. Подумай об ответе, который ты должен мне дать [...]. Жизнь твоего друга от этого зависит. Не бойся предложить мне средство, наиболее верное для обеспечения счастья Якушкина, – отказаться от союза с Нарышкиным [...]. Я благодарила бы небо, если бы могла вернуть мир этой небесной душе [...] пожертвованием моих надежд. Мой друг, подумай же о твоем ответе, остерегись приговорить твоего несчастного друга [...]. Не обращай внимание на счастье твоей сестры [...]. Я требую, чтобы ты сказал мне тоном откровенным и решительным, хочешь ли ты видеть меня женою Н[арышкина][...]? Я надеюсь, что твоя привязанность ко мне заставит тебя пораздумать о моей будущей участи [...]. Я отдаю себя всецело на твое решение [...]. Душа Н[арышкина] [...], не имеющая другой цели, кроме личной выгоды [...]. Хотя, женившись на мне, он сделает свои выгоды моими...»³⁰.

На общем фоне содержания письма достаточно неискренне и натянуто выглядят самобичевания Щербатовой: «Меня ты должен осыпать упреками, я их заслуживаю [...]. Я ввергла в бездну несчастия друга, любезного твоему сердцу, товарища моего счастливого детства [...]. Раскаяние меня мучит [...]. Сколько вероломства в моем поведении! Я понесу кару за то во всю мою жизнь...»³¹. Внешняя риторика письма напоминает трагический фарс и выглядит на грани самолюбования. В «муки раскаяния» верится слабо. Более того, создается стойкое впечатление, что «вероломство в поведении» княжны было совершенно сознательным. Пытаясь вызвать сочувствие к себе брата, искреннего друга И.Д. Якушкина и, одновременно, склонить его на свою сторону, она несколько перегибает палку. Стремясь предстать наивной и невинной жертвой обстоятельств, она хочет запутать и обмануть И.Д. Щербатова и, предваряя события, надо признать, что впоследствии это вполне удастся. Таким образом, она предлагала брату решить судьбу своего предполагаемого брака с Нарышкиным, одновременно давая понять, что этот союз, в общем-то, желателен для нее. Вместе с этим Натали не хотела брать на себя ответственность в обстоятельствах, ставших слишком серьезными из-за болезни и душевного состояния Якушкина; она вполне допускала, что И.Д. Щербатов может дать положительный ответ на ее прямой вопрос о союзе с Нарышкиным, в то же время она подразумевала, что в этом случае именно решение брата станет причиной нового удара для страдающего Якушкина, но не ее собственное поведение.

С письмом Натальи к брату удивительным образом перекликается письмо П.Ф. Облеуховой к И.Д. Якушкину, в котором Щербатова называется «невинной причиной» его драмы³². Посредничество Облеуховой в этой истории выглядит достаточно странным; Д.И. Шаховской предположил, что Прасковья Федосьевна по своей инициативе «решила вмешаться в разыгрывавшуюся драму», а затем уведомила об этом княжну и передала ей черновик письма к Якушкину³³. Но вполне возможно, что Н.Д. Щербатова могла сама попросить о содействии мать одного из лучших друзей Якушкина, которой сумела представиться жертвой обстоятельств с тем, чтобы отвести от себя осуждение света. И повод к тому был — в разворачивающейся трагедии именно Д.А. Облеухов, как человек умный и проницательный, занял позицию, направленную против княжны Щербатовой, — он, вероятно, осуждал ее поведение и пытался представить Якушкину его возлюбленную и ее жестокую

²⁸ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 156.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 157.

³¹ Там же. С. 157.

³² Шаховской Д.И. Из бумаг Н.Д. Шаховской (урожденной Щербатовой)... С. 190.

³³ Там же. С. 188.

игру в истинном свете³⁴. Черновик письма Облеуховой сохранился в архиве Н.Д. Щербатовой вместе с письмом Якушкина к ней и ее письмом к Якушкину, что выглядит достаточно странным, но не случайным. Интересным представляется вопрос, каким образом он к ней попал? Не исключено, что Натали сама просила П.Ф. Облеухову передать ей черновик отправленного Якушкину письма, если это письмо вообще не было написано под ее диктовку.

В начале мая 1817 г. болезнь и вызванная ею смертельная опасность отступили, но пришла другая беда — И.Д. Якушкин уже сам не хотел жить и был доведен до такого отчаяния, что вполне мог совершить самоубийство. Его жизнь снова оказалась под угрозой — он был сломлен психологически, и положение оставалось очень серьезным. Это было очевидно для его близких, свидетельством чему служит уже упомянутое письмо П.Ф. Облеуховой, которая просит Ивана Дмитриевича согласиться «продолжить еще жизнь на несколько дней». Впрочем, в этом письме больше чувствуется влияние позиции Н.Д. Щербатовой, которую волновала не жизнь Якушкина, а собственная репутация и спокойствие. П.Ф. Облеухова просит о возможности «побеседовать» и «сообщить кое-что утешительное», и становится ясно, что она собирается говорить от имени Натали: «Возможно ли, чтобы в поисках исцеления от Ваших страданий Вы совершенно забыли ту, которая оказывается их невинной причиной? Подумайте о том, что весь остаток своей жизни она будет нести всю тяжесть безумия, которое подсказано Вашим отчаянием. Поверьте, она все знает, и она так поражена этим, как это и должно быть…»³⁵.

После наверняка состоявшегося разговора с П.Ф. Облеуховой Якушкин оставляет мысль о самоубийстве, но лишь по одной причине — он получил приказ (повеление) своей возлюбленной, а, значит, и надежду на ее расположение, став залогом ее «покоя». Он именно так и пишет ей, лишь подчеркивая, что теперь его жизнь лишена смысла: «Неужели мне суждено быть виновником одних только Ваших беспокойств, между тем, как я отдал бы жизнь свою за минуту Вашего покоя! Я желал бы быть в состоянии ценою еще больших мучений, нежели те, которые я только что пережил, искупить те беспокойства, которые я Вам против воли причинил. Вы повелеваете, чтобы я продолжал влачить свое существование; Ваша воля будет исполнена. Я буду жить и даже по возможности без жалоб. Только бы Вы смогли быть спокойны и счастливы» 36. От шага самоубийства Якушкина останавливало только одно: тем самым он может нарушить спокойствие и благополучие своей возлюбленной и омрачить ее дальнейшую жизнь. Но это письмо не означает того, что он преодолел свой жизненный кризис — путь к самоубийству во имя избавления от страданий был закрыт, но душевное состояние декабриста осталось прежним, являясь залогом затягивающейся на неопределенный срок внутренней трагедии.

Далее Н.Д. Щербатова сама пишет И.Д. Якушкину письмо и предлагает выход из драматического кризиса. Одновременно, предваряя свои намерения, она почти насмешливо сообщает брату: «Я переговорю с Як[ушкиным], я его вновь верну на путь мудрого разума. И кто знает? Не будет ли он для него и путем счастия? Все случается в жизни, как и в сердцах, и время часто делает чудеса»³⁷. В этих строках сквозит полное равнодушие к чувствам и судьбе Якушкина, хотя создается впечатление, что, наконец, она намерена сказать ему правду о своем истинном отношении к нему и больше не терзать несчастного. Но в письме Н.Д. Щербатовой к И.Д. Якушкину, написанном в начале мая 1817 г. и Д.И. Шаховским, МЫ видим лишь театральность, самолюбование, интригу, желание повелевать чувствами и видеть себя роковой трагической героиней в реальной жизни, и ни грана сочувствия, доброты, человечности. Главная черта этого послания – бездушность, Натали правдиво излагает подробности событий, предшествующих болезни Якушкина, говорит о своей вине и даже о своем «печальном

³⁷ *Нечаев В.Н.* Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 159.

³⁴ *Нечаев В.Н.* Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 161.

³⁵ Шаховской Д.И. Из бумаг Н.Д. Шаховской (урожденной Щербатовой)... С. 190.

³⁶ Там же

сердце и страданиях», но... как-то не верится в ее искренность. Наоборот, создается впечатление, что наша героиня откровенно упивается своей победой, той властью, которую она имеет над человеком и его жизнью, откровенно называя Якушкина своей «жертвой». Итак, она пишет: «Поведение мое по отношению к Вам непростительно [...]. Я отплатила неблагодарностью за чувства, которые Вы мне выражали, и, вместо того, чтобы убить химеры Вашего воображения, я, напротив, поощряла их моим присутствием [...]. Я ввергла в пучину несчастия дорогого друга брата моего, товарища моего счастливого детства. На подводной скале его упований я разбила его сердце. Но я поступила еще хуже. Как раз тогда, когда Вы мне давали доказательства Вашей привязанности, я строила основу моего будущего благополучия на обломках Вашего. Да, я цветами украшала свою жертву, чтобы затем своей же рукой заклать ее. Могло ли когда-либо сердце Ваше ожидать от меня столь непомерного коварства...»³⁸. Далее в письме она совершает невероятный логический ход, выставляет истинной жертвой обстоятельств уже себя и... делает Якушкина виноватым в том, что она якобы «истомилась в [...] невыносимых тисках», а его болезнь, причину которой сама же ярко живописала выше, называет «последним испытанием», которое заставил он ее «пережить» и «которое чуть не повергло» именно ее «в несчастнейшее состояние»³⁹.

Далее она предлагает Якушкину «спасительный» выход – удалиться из Москвы и поискать счастья в кругу родных: «Уезжайте, Якушкин! Это необходимо! Покиньте эти места, которые могут вам напоминать только печаль и горе. Вернитесь к тем, которые связаны с Вами узами крови и любви. К ним направьте всю Вашу привязанность. Проникнитесь сыновним чувством, столь сладостным и освященным, которое прольет спасительный елей на Ваше израненное сердце» 40. Казалось бы, на этом, попросив несчастного влюбленного удалиться, стоит и закончить письмо, но Щербатова не дает разорваться связи: на самом деле отъезд Якушкина не входит в ее планы, и она протягивает новую прочную нить, врываясь в его ближайший родственный круг и тем самым еще сильнее притягивая к себе свою жертву, замыкая для нее все выходы: «Якушкин! Исполните следующую мою просьбу, - пишет она далее, - пускай чувство брата объединит и меня с Вашими сестрами в единой мысли. И тогда!..»⁴¹. Получается, что Якушкину и некуда уезжать, оказавшись в среде своей семьи, он найдет среди сестер опять ту, от которой бежал. Он теряет возможность сменить жизненную среду, обстановку, круг общения, чтобы выйти из душевного кризиса и порвать все узы, которые сделали его несчастным вплоть до нежелания жить далее. Н.Д. Щербатова завершает свое письмо, подавая несчастному откровенную надежду на взаимность и прямо заявляя: «Если и суждено мне когда-либо стать супругою и матерью, искренняя привязанность, которую я к Вам и впредь буду питать, преисполнит мое сердце до последнего его дыхания. Прощайте, мой брат и друг мой»⁴². Письмо она подписывает следующим образом: «Сестра Ваша Телания»⁴³.

Для окончательного уяснения сущности «Телании» важно обратить внимание на тот факт, что в письме заключена и не завуалированная ложь, целью которой было сбить с толку Якушкина и пробудить в нем надежду: «Уезжайте и увезите с собой бесспорную уверенность, что мой союз с N столь же маловероятен, как возврат к жизни засохшего цветка» 44. А в это же время она продолжала строить планы относительно свадьбы с Д.В. Нарышкиным, уверяя некоторых окружающих (прежде всего Якушкина, его друзей и своего брата), как она на самом деле противится этому браку. Официальная версия о том, что

³⁸ Шаховской Д.И. Из бумаг Н.Д. Шаховской (урожденной Щербатовой)... С. 189.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Д.И. Шаховской считал, что это условное имя, которым Н.Д. Щербатова называла себя, общаясь с И.Д. Якушкиным: «Telania получается из перестановки букв в слове Natalie» (*Шаховской Д.И.* Из бумаг Н.Д. Шаховской... С. 189).

⁴⁴ Шаховской Д.И. Из бумаг Н.Д. Шаховской (урожденной Щербатовой)... С. 189.

Н.Д. Щербатова соглашалась на этот брак лишь под давлением своих родных, прежде всего отца и сестры, выглядит неубедительной, чему есть подтверждение в письме к ней И.Д. Щербатова, который считал ее «совершенно порвавшей с семьей» в этом вопросе⁴⁵. Задумаемся, неужели умная и самостоятельная женщина, какой являлась княжна Щербатова, способная манипулировать людьми, жаждущая властвовать над умами и чувствами, могла позволить надавить на себя в таком деле, как замужество против собственной воли, могла позволить навязать себе какой-либо брак по расчету? Остается лишь посочувствовать Якушкину, что он, достойный, незаурядный и благородный человек, волею судьбы оказался полностью под влиянием такой эгоистичной и жестокой особы, внутреннюю суть которой так и не смог никогда постичь.

Вняв призыву «Телании», в середине мая И.Д. Якушкин уехал из Москвы в Петербург, где произошла его личная встреча с И.Д. Щербатовым. Вслед уехавшему Н.Д. Щербатова писала брату 14 мая и «просила подумать об Якушкине, об его страсти и его несчастии, и о той, которая их причинила»: «Не удивляйся приезду Якушкина, я посылаю тебе моего больного, чтобы удалить его от здешних мест печали и страданий [...]. Я была вероломна к твоему другу, я извлекла его из заблуждения, чтобы вонзить кинжал в сердце» 46. И в следующем письме: «Воспоминание о Нарышкине дает кое-что моему воображению, а об Якушкине — возбуждает мое восхищение. Я люблю его как друга и буду его так любить до конца моих дней...» 47. Даже В.Н. Нечаев признает, что в этих строках заключены «надежды» для Якушкина, правда, «более, чем слабые», что, конечно же, явно следует из письма. А «восхищение» Щербатовой вызывало, вероятно, то, что Якушкин был сначала из-за нее смертельно болен, а потом стоял на грани самоубийства.

И.Д. Щербатов был настолько поражен сложившейся ситуацией, что отвечал сестре довольно резко, предлагая предельно просто разрешить проблему, из-за которой Якушкин оказался на краю гибели: «Разве я не считал тебя совершенно порвавшей с семьей, о чем я слышал от тебя еще в Москве, разве я не воображал, что главное опасение заключалось лишь в отцовском авторитете и т[ак] д[алее]? Если же, однако, на деле оказывается иное (и это то, от чего я начинаю приходить в отчаяние), — то одно «НЕТ», обращенное тобой к Господину⁴⁸, разве не пресекло бы сразу всякие дальнейшие притязания? И поскольку он не сумасшедший, не наглец, не негодяй [...], — разве он не примирился бы со своей участью?» ⁴⁹. Эти слова можно в полной мере применить и к ситуации Якушкина — если бы «Телания» обратилась к нему со своим решительным «нет», то он тем более «примирился бы со своей участью», как это, кстати, и произошло в 1819 г., когда Щербатова объявила ему о своем решенном замужестве. Но честность и порядочность в отношениях с претендентами на ее руку не входила в планы княжны — ей надо было разыгрывать трагедию, упиваться своей властью над людьми и их страданиями.

Возможно, позиция И.Д. Щербатова, выраженная в цитированном письме, была близка взгляду на вещи Д.А. Облеухова, который в период болезни Якушкина «заклинал» Натали в переписке с братом «изложить [...] вещи так, как они есть, чтобы [...] принести хоть некоторое облегчение несчастному...» Спустя некоторое время кн. Щербатов написал более деликатное письмо к сестре, которое отправил в Москву с Якушкиным. В этом письме было и о нем. И здесь мы ясно видим, насколько высоко ставил Щербатов чувства и благородство своего друга, сомневаясь, что его сестра сможет приблизиться к этому уровню, в этих строках даже сквозит некоторое презрение: «Еще один факт, который должен быть утешителен для тебя, но я боюсь, что ты не сможешь возвыситься до той высоты чувств, которой он требует, чтобы быть понятым. Этот человек думает, хочет, желает только твоего

⁴⁵ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 159.

⁴⁶ Там же. С. 159.

⁴⁷ Там же. С. 158.

⁴⁸ Речь идет о Д.В. Нарышкине.

⁴⁹ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 159.

⁵⁰ Там же. С. 158.

спокойствия; хотя настоящие обстоятельства могли бы довести его до отчаяния, но существо его чувств таково, что он не может дойти до той крайности, которой ты страшишься, так как сознает всю тяжесть удара, который будет нанесен твоему счастью»⁵¹. Здесь мы видим ключ к подоплеке событий, связанных с решимостью Якушкина в дни Московского заговора – в этом случае «крайность» (его сознательный уход из жизни) не причинила бы «тяжести удара» счастью «Телании».

На протяжении лета 1817 г. ситуация не изменилась. Н.Д. Щербатова по-прежнему вела двойную игру. После возвращения И.Д. Якушкина в Москву она, казалось бы, внешне стала сомневаться в перспективах своего брака с Нарышкиным и даже сумела представить себя наивной и оскорбленной жертвой в глазах не только Якушкина, но лаже и его друга М.А. Фонвизина. Якобы поведение Нарышкина, слишком явно заявившего свои намерения, могло компрометировать ее и не оставить свободы выбора. И.Д. Якушкин, желая защитить ее честь, посылает Нарышкину, уже отъехавшему в Париж, вызов на дуэль, в чем его поддержал И Фонвизин⁵². Предварительно ОН отправляет полностью предназначенное сопернику, на суд И.Д. Щербатова, еще ранее заручившись поддержкой самой Натали: «Я показывал это письмо Вашей сестре, думал успокоить ее в отношении его возвращения [Д.В. Нарышкина – E.T.] и ее безопасности. Она им далеко не вполне довольна: она предвидит от него огласку и опасность. Я показывал также это письмо Фонвизину: он его одобрил»⁵³. Как видим, решительного «нет» со стороны Щербатовой опять не последовало, волнения с ее стороны Якушкин также не заметил, напротив, в середине июня она «была спокойна и даже весела»⁵⁴. Вызов на дуэль являлся очень серьезным шагом, и если Якушкин решился на него, значит, он определенно знал, что имеет на это право, данное самой Щербатовой.

Но тут, не высказывая претензий лично Якушкину, Натали изливает свое возмущение в письмах к брату, открывая тем самым свое истинное лицо. «Спокойная и даже веселая» перед Якушкиным, вызовом на дуэль хоть и «не вполне довольная», но не запретившая его, она пишет, высказывая, по верному замечанию В.Н. Нечаева, свое «резко отрицательное отношение»: «Последствия этого письма заставляют меня дрожать. Это – форменный вызов, который обязывает Н[арышкина] (если он делает мне честь спешить вернуться в Россию) личность, которая является его автором. Это доброжелательство, которое мне оказывают полковник (т[о] е[сть] Фонвизин) и Якушкин, мне более чем тягостно»⁵⁵. Такая реакция объяснима только одним – этот вызов ставил под сильнейший удар планируемый брак с Нарышкиным, чего очень испугалась Натали. Выясняется, как снова справедливо отмечает В.Н. Нечаев, что, оказывается, «поведение Нарышкина она находила извинительным» (!), чему бы, услышав такие слова, несказанно удивились бы и Якушкин, и Фонвизин: «...Если даже он объявлял о своих намерениях первому встречному, то надежды, которые ему делались насчет моих чувств, могли сделать это странное поведение если не дозволительным, то, по крайней мере, простительным»⁵⁶. В следующем письме к И.Д. Щербатову от 21 июня Натали называет вызов Якушкина «неистовой выходкой», пишет, что не может понять, что «могло дать повод» к ней и даже заявляет, что не помнит о своем требовании к брату принять решение «в выборе одного из двух бойцов». Несмотря на то, что, судя по письмам Якушкина, их встречи с 4 по 16 июня были очень частыми, «Телания» заявляет: «Со времени возвращения Якушкина я с ним очень мало или совсем не говорила [...]. Он только сообщил мне об этом последнем поступке, которому я живейшим образом противилась. Я ему даже сказала, так же, как и полковнику, что он не должен был давать себе труд действовать за меня и браться за мою

⁵¹ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 160.

⁵² Там же. С. 162–163.

⁵³ Там же. С. 164.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

защиту [...], когда я могу одним словом уничтожить его надежды и опровергнуть его химеры [...]. Обещай мне никоим образом не отправлять этого нелепого письма, которое не может произвести никакого действия на голову, которая (если все хорошо разобрать) может быть, и не думает, что она так дурно поступала»⁵⁷. Итак, два письма с изложением одних и тех же событий, но более достоверной, конечно же, представляется версия И.Д. Якушкина. Далее Н.Д. Щербатова пишет то, что ее брат, по-видимому, уставший от интриг сестры, искусно соорудившей вокруг себя любовный треугольник, немедленно сообщил И.Д. Якушкину: «Если бы я могла их обоих успокоить [...] я бы им сказала: "Господа, живите мирно, на мое здоровье, и оставьте меня в покое"»⁵⁸. И здесь даже В.Н. Нечаев вынужден признать, что «Нарышкину она так прямо не говорила»⁵⁹. «Телания» снова лукавила, и ее слова об «оставлении в покое» предназначались лишь одному Якушкину.

Иван Дмитриевич Якушкин в 1823 году. Художник Ж. Вивьен.

Мы, имея в своем распоряжении переписку Натали с братом, знаем ее истинное отношение к Якушкину. Но подчеркнем, что сам он был в полном неведении относительно ее чувств к себе, питаемый «надеждами» и «химерами». Наконец, И.Д. Щербатов, разобравшись в ситуации, понял, что во имя счастья и здоровья своего друга он должен открыть ему всю правду и отправил в начале июля письмо, названное В.Н. Нечаевым «безжалостным». 15 июля 1817 г. И.Д. Якушкин отвечал: «Моя главная ошибка заключалась в вере, что твоя сестра, быть может, имела ко мне чувство, которое было больше, чем доброта [...] (без того, чтобы я о том догадался) [...]. Что касается фразы: "Пусть они меня оставят в покое", - прежде, чем узнать о ней из твоего письма, я шел ей навстречу: по моем возвращении из Дмитрова, заметив принужденность в поведении твоей несмотря сестры co мною, Я, на усиленные приглашения твоего отца, сестры Лизы и даже сестры Натали, несмотря обещание Фонвизина, на воспротивился тому, чтобы мы поехали к ним в Сегодня я решил сделать больше; я деревню.

отправлюсь тотчас же в Орел, чтобы удалиться от места действия, где я рискую, может быть, снова нарушить спокойствие твоей сестры. Я останусь там до того времени, когда я смогу удалиться еще дальше. Можно упрекать меня $[\dots]$ в отсутствии смысла в поведении $[\dots]$; но эта вина происходит от того, что для меня в мире существовал только один интерес — это знать, любит ли твоя сестра меня или нет...» 60 .

Обратим внимание, что И.Д. Якушкин и до получения письма Щербатова, заметив «принужденность» в поведении Натали, был готов уехать и прервать свое общение с ней; значит, до этого момента она вела себя с ним непринужденно и любезно, давая понять, что его присутствие ей необходимо? Не будем забывать и о том, что одновременно и она, и ее семья по-прежнему хлопотали о браке с Нарышкиным. Итак, Якушкин, удостоверившись в том, что ему не стоит рассчитывать на взаимность, принимает незамедлительное решение уехать подальше из Москвы от Н.Д. Щербатовой. Строки его письма, где он говорит об опасении «снова нарушить спокойствие» свидетельствуют о том, что он опять близок к болезненному решению свести счеты с жизнью — нам уже знакомы эти обороты из предыдущей переписки. Но, обратим внимание, он пишет и о «месте действия», которое

⁵⁷ *Нечаев В.Н.* Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 164–165.

⁵⁸ Там же. С. 165.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 166–167.

стремится быстрее покинуть, понимая, что, оставшись здесь, снова подвернет себя вполне реальной смертельной опасности.

Отъезд Якушкин вызвал бурю негодования у «Телании» – она не рассчитывала на такой поворот, она тут же пишет письма брату, в отчаянии требуя вернуть ей верного влюбленного. Из письма от 6 августа 1817 г.: «Если мое спокойствие тебе дорого, извлеки из заблуждения твоего превосходного друга. Скажи ему, что его уважение мне более, чем дорого, что оно мне необходимо [...]. Как могла бы я это сделать после тех доказательств, которые он мне дал о постоянстве его чувств. Мой друг, внуши ему, что я знаю всю его цену, и что уважение, дружба, благодарность, которые я к нему питаю, не изгладятся из моего сердца раньше его последнего биения...»⁶¹. И в следующем письме: «Вспомни, что чувство, которое он питает ко мне, наполняет его с 13-летнего возраста, и что было бы ужасно уничтожить химеры, которые составляли единственное счастие его жизни [...]. Мое сердце ничуть не занято Нарышкиным [...], Якушкину – вся моя дружба, все мое уважение, все мое восхищение...» 62. Отметим откровенную ложь о Нарышкине и признание в сознательном нежелании «уничтожить химеры» (ведь это, оказывается, «единственное счастие» в жизни Якушкина!). А ведь во имя благополучия И.Д. Якушкина надо было поступить как раз наоборот – сказать ему решительное нет, честно объяснить ситуацию. Благородный Якушкин все бы понял, он смог бы пережить эту драму, начал бы новую жизнь без своей жестокой возлюбленной. Вся трагедия проистекала от того, что «Телания» постоянно подавала ему надежду, лгала, была убедительна до такой степени, что порой он начинал верить во взаимность, почему и не мог разорвать в полном смысле ставшие смертельными для него узы своего чувства. Нет нужды говорить о том, что в сентябре 1817 г. И.Д. Якушкин снова был в Москве и снова, как доказывает его решимость на смертельную «дуэль» с царем, был на грани самоубийства. Именно в таком душевном состоянии находился декабрист на совещании тайного общества в Москве в конце сентября 1817 г.

Конечно, политические мотивы в поведении И.Д. Якушкина во время Московского заговора были налицо, но был и глубочайший личный подтекст, вызванный несчастной любовью и сильнейшими страданиями, сознательно причиняемыми ему любимой женщиной. Таким образом, личная драма явилась мощным катализатором политического решения. Это и заявил на следствии Н.М. Муравьев, бывший в курсе трагедии Якушкина, вполне известной, впрочем, и в светском обществе. В заключении следственного дела И.Д. Якушкина совершенно справедливо сказано: «Якушкин, страдая несчастною любовью и несколько раз решавшийся на самоубийство, от коего был удерживаем своими друзьями, распаленный в сию минуту волнением и словами товарищей, вызвался на цареубийство»⁶³.

Личная трагедия Якушкина, без сомнения, сказалась и на всей его последующей жизни: и на деятельности в тайном обществе, и на моделях взаимоотношений с людьми. Идеи общественного служения и свободы, бывшие неотъемлемой частью самосознания декабриста, стали для него своеобразным выходом из кризиса - не найдя счастья и взаимности, он решает принести свою жизнь в жертву Отечеству, вызвавшись на цареубийство во время Московского заговора 1817 г., и предполагая сразу же после смерти Александра I лишить жизни и себя. Эта смерть, к тому же, не лишила бы «спокойствия» и его «Теланию», это же не было бы самоубийством из-за несчастной любви к ней, не произошло бы «тяжести удара», нанесенного счастью Натали. Именно в этой героической «дуэли» с царем Якушкин видел прекрасный выход из своей жизненной драмы, который вполне устроил бы и его возлюбленную, поэтому так нелегко отказался от своего вызова, был так хладнокровен в первый день Московского заговора и упорствовал на следующий день в своих намерениях.

Итак, фигура Якушкина, безусловно, трагическая – думающий, тонко чувствующий человек, страдающий, переживающий, благородный, старающийся философски

⁶¹ Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.)... С. 168.

⁶³ Восстание декабристов. Материалы. Т. III... С. 59.

переосмыслить действительность, но часто не справляющийся с этой задачей, особенно в молодые годы из-за другой более сильной тогда стороны натуры – сильнейших страстей, чувств и переживаний, вызванных глубоким личным кризисом. В молодости именно они направляли многие его действия, причиной чего стала несчастная любовь Н.Д. Щербатовой - бурная и драматическая, в этом же ракурсе стоит рассматривать его радикальную позицию в тайном обществе в дни Московского заговора. Несмотря на ум и образованность, Наталья Дмитриевна Щербатова отличалась особым нравственным складом и оставила роковой след в судьбе Якушкина, буквально сломав ему жизнь. Не разделяя его горячую любовь, она, тем не менее, желая властвовать над ним, сознательно привязала его к себе, подавая ему надежды, которые были заведомо не исполнимы. Заблуждения и «химеры» не были выстроены в сознании Якушкина самостоятельно, в их плен он попадал благодаря тонкой игре своей возлюбленной, которой льстило его стойкое и горячее чувство. В результате Иван Дмитриевич то был смертельно болен, то собирался совершить самоубийство, то вызывался на убийство царя с намерением тут же свести счеты и с собственной жизнью. Он оставил военную карьеру и вышел в отставку. Глубокая депрессия отдалила этого незаурядного человека от общественной жизни, от тайного общества, от службы. В натуре Якушкина появилась именно та меланхоличность, тонко подмеченная Пушкиным, от которой ему удалось частично избавиться, пожалуй, только во второй половине жизни. Женитьба не принесла ему облегчения, свою жену он, вероятно, не любил. Многолетняя несчастная и неразделенная любовь к Щербатовой наложила серьезный отпечаток и на отношения Якушкина с супругой. Грусть, уныние и заметная доля трагизма были свойственны самосознанию Якушкина даже в недолгие годы его семейного счастья и домашней идиллии. Утешение доставляло ему лишь общение с тещей Н.Н. Шереметевой, женщиной сердечной и порядочной, которая горячо любила его, более, чем мать.

Заключение в крепости и сибирская ссылка дали новый импульс развитию натуры декабриста – уже совершенно иная жизненная драма во всей своей полноте обрушилась на этого человека, но не раздавила его, а способствовала перерождению – нравственному, духовному, философскому. Причиной тому – сильный характер Якушкина, его безусловное мужество и стойкость. Меланхолия мировосприятия сменяется кротостью, потом на смену всему приходит горячее желание общественного служения, что находит выражение в подвижнической педагогической деятельности в Сибири, основании народных школ. Но последствия пережитого остаются – Якушкин по-прежнему одинок, у него мало настоящих друзей, в то же время он постоянно примеряет повышенную нравственную планку по отношению к себе и окружающим, стремится к жизненной мудрости и философской справедливости в оценке себя и других.

Сильнейшая травма, нанесенная И.Д. Якушкину княжной Щербатовой, частично сгладилась с приходом в семью молодой жены его младшего сына Евгения — Елены Густавовны (в девичестве Кнорринг), с которой И.Д. Якушкин вступил в переписку из Сибири. Счастье сына, бывшего в любви точной копией своего отца, но в отличие от него нашедшего счастье и взаимность, частично изгладило в душе декабриста страшное потрясение молодости. Примерно с конца 1840-х гг. тон писем Якушкина меняется — из них практически исчезает «меланхоличность» с налетом скучающего и страдающего байронизма. Теперь это крепко стоящий на ногах человек, живущий полной жизнью и прочно укоренившийся в ней — Якушкин меняется окончательно и бесповоротно. Его личность наконец-то оформилась в своей естественной красоте. И какая же симпатичная, яркая, деятельная, привлекательная натура возникает перед нами!

Литература

Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. III. 448 с.

Лебедев А.А. Честь: Духовная судьба и жизненная участь И.Д. Якушкина. М.: Политическая литература, 1989. 399 с.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в середине XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Нечаев В.Н. Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову (1816–1821 гг.) // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. І. С. 141–186.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Наука, 1955. Т. 1. 484 с.

Шаховской Д.И. Из бумаг Н.Д. Шаховской (урожденной Щербатовой) // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. І. С. 187–190.

Якушкин И.Д. Записки // Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. 400 с.

Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. Редакция и комментарии С.Я. Штрайха. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 740 с.

References

Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrist revolt. Materials]. (1927). Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye izdatel'stvo. T. III. 448 p.

Lebedev, A.A. (1989). Chest': Dukhovnaya sud'ba i zhiznennaya uchast' I.D. Yakushkina [Honor: spiritual fate and destiny in life of I.D. Yakushkin]. Moscow, Politicheskaya literatura. 399 p.

Mironenko, S.V. (1989). Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XIX v. [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia in the middle of the 19th]. Moscow, Nauka. 240 p.

Nechaev, V.N. (1928). Pis'ma I.D. Yakushkina k I.D. Shcherbatovu (1816–1821 gg.) [Letters of the I.D. Yakushkin to I.D. Shcherstobatov]. In *Dekabristy i ikh vremya. Trudy Moskovskoy i Leningradskoy sektsiy po izucheniyu dekabristov i ikh vremeni*. Moskow, T. I, p. 141–186.

Nechkina, M.V. (1955). Dvizhenie dekabristov [The Decembrists' Movement]. Moscow, Nauka, T. 1. 484 p.

Shahovskoy, D.I. (1928). Iz bumag N.D. Shahovskoy (urozhdennoy Shcherbatovoy). [From the papers of N.D. Shakhovskay (ne Shcherbatova]. In *Dekabristy i ikh vremya*. *Trudy Moskovskoy i Leningradskoy sektsiy po izucheniyu dekabristov i ikh vremeni*. Moscow, T. I, p. 187–190.

Yakushkin, I.D. (1993). Zapiski [Notes]. In Yakushkin I.D. Memuary, stat'i, dokumenty. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izsatel'stvo. 400 p.

Yakushkin, I.D. (1951). Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina. Redakciya i kommentariy S.Ya. Shtraykha [Notes, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkin. Ed. and comment by S.Ya. Shtraykh]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 740 p.

Статья поступила в редакцию 27.02.2019 г.